

УДК 392.3

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/244-261

Научная статья

© *И. Г. Рыбалкина*

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АФРИКЕ

В статье предпринимается попытка сравнить особенности брачно-семейных отношений народов североафриканского региона и Африки к югу от Сахары (АЮС). Богатое уникальное разнообразие типологий и форм семьи, в частности в Тропической Африке, обусловлено сохранением до настоящего времени и взаимопроникновением древних и современных социально-экономических структур. Универсализм в развитии социальных систем народов Северной Африки предопределен достаточно развитым экономическим базисом североафриканских обществ и государств. Образовательный уровень женщин оказывает самое непосредственное влияние на возраст вступления в брачный союз, показатели фертильности, степень участия в обсуждении проблем домохозяйства, вопросов планирования семьи и пр. Однако перед женским движением континента стоит еще огромное множество нерешенных задач борьбы за гендерное равноправие и в семье, и в обществе. При изменениях, которые неизбежны в общей эволюции брака и семьи, отдельные гибридные формы или виды локальной специфики останутся в африканских обществах на необозримо длительную историческую перспективу.

Ключевые слова: Африка, семья, типология браков, разнообразие хозяйственных укладов, социодемографическая трансформация, эволюция семейно-брачных отношений

Ссылка при цитировании: Рыбалкина И. Г. Особенности семейно-брачных отношений в Африке // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 244–261.

UDC 392.3

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/244-261

Original Article

© *Inna G. Rybalkina*

FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN AFRICA

The article attempts to compare the marriage and family relations in North Africa and Sub-Saharan Africa. The rich unique diversity of typologies and family forms, in particular in Tropical Africa, results from the preservation of ancient socio-economic structures up to present and their interpenetration with the modern ones. Universalism in the development of social systems in North Africa is due to the

rather developed economic basis of North African societies and states. The educational level of women has the most direct impact on the age of marriage, fertility rates, the degree of influence on the household decisions and family planning issues, etc. However, the women's movement of the continent still faces a huge number of unresolved tasks of the struggle for gender equality both in family and in society. With the changes that are inevitable in the continuous evolution of marriage and family, individual hybrid forms of archaism will remain in African societies for an indefinitely long-term historical perspective.

Keywords: *Africa, family, typology of marriages, diversity of economic structures, sociodemographic transformation, evolution of family-marriage relations*

Author Info: **Rybalkina, Inna G.** — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: i.rybalkina@inafr.ru

For citation: Rybalkina, I. G. 2022. Family and Marriage Relations in Africa. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 244–261.

Семья возникла на заре человеческого общества и относится к одному из древнейших социальных институтов. На протяжении тысячелетий истории человечества она выступала как естественный, природный морально-нравственный ориентир социума. Принимая во внимание, что Африканский континент, прежде всего регион к югу от Сахары, является колыбелью современного антропологического типа человека¹, следует отметить, что одной из первых мировых цивилизаций, которая стала рассматривать брак как законную форму супружеских взаимоотношений мужчины и женщины, был Древний Египет. Но Африка не только колыбель человечества, где зародились первоначальные формы семейно-брачных отношений, более того, в процессе многотысячелетней исторической эволюции общества появлялись, функционировали, отмирали и трансформировались разнообразные формы семьи, многие из которых уникальным образом сохранились на континенте вплоть до настоящего времени (Antoine 2014: 1–18).

Своеобразие и уникальность Африки к югу от Сахары

Краткая классификация африканских браков может быть проведена по трем признакам: 1) по системам — матрилинейность, патрилинейность; 2) по типам — полигамия (полигиния, полиандрия) и моногамия; 3) по формам заключения брака — обычноправовой, гражданский, религиозный.

Матрилинейная и патрилинейная системы появились и функционируют параллельно — в разных этносах, подчас на территории одного и того же государства (у народов Гвинейского побережья, в Демократической Республике Конго и др.). В понятиях «матриархат» и «патриархат» заложена ведущая роль не просто женщины или мужчины, но матери или отца в семье. Патрилинейный счет родства практи-

¹ Раскопки палеоантропологов доказывают, что дорога эволюции человечества началась именно в этом регионе (Чад, Кения, Эфиопия) 6–7 млн. лет назад. Около 1 млн. лет назад антропологический тип *homo sapiens* стал распространяться первоначально в южные районы азиатского континента и впоследствии в Европу (Shreeve 2010: 35–45).

кует подавляющее большинство народов континента во всех его регионах, как в Северной и Тропической, так и в странах Юга Африки.

Матрилинейная система характеризуется на первых этапах ее существования ведущей ролью женщины в обществе. Родственные связи четко прослеживаются по материнской линии. В основе семьи лежит принцип разделения имущества между супругами. Для данной ячейки общества свойственна передача детей на воспитание родственникам по материнской линии, устранение родителей от участия в их становлении, крайне осложненные и запутанные внутриклановые связи и отношения (African... 2006; Savineau 2001). В настоящее время главенствующая роль матери в конечном итоге оказалась переданной ее родственнику-мужчине, чаще всего ее брату. К народам с матрилинейным счетом родства относятся, помимо некоторых народов Гвинейского побережья и ряда конголезских этнических групп, отдельные этнические группы Центральной Африки, Замбии, ряд групп ганской этнолингвистической общности и др. Но если женщина в матрилинейной семье не имеет родственника-мужчины, которому она могла бы передать власть, она полностью сохраняет эту власть за собой и является главой семьи. Вопросы наследования касаются лишь семейного клана жены.

Две системы семейно-брачных отношений и счета родства, прежде всего в центральноафриканском субрегионе, создают сложности при организации и функционировании семьи. По мнению африканских специалистов-правоведов, из двух названных систем наиболее проблемной в современных условиях является матрилинейность, для которой характерно ущемление прав прямых родственников в семье (отца) и культивирование крайне сложных разветвленных внутриклановых связей. Патрилинейность, хотя и имеющая множество недостатков, по сравнению с матрилинейностью представляется более прогрессивной брачно-семейной системой, поскольку предполагает более четкое построение семьи с ведущей ролью прямых родственников (родителей). Основной негативной чертой патрилинейности является ярко выраженная господствующая роль мужчины по отношению к женщине, что противоречит международным юридическим нормам, прежде всего Конвенции ООН от 18 декабря 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

Относительно типологии необходимо отметить, что африканский брак включает три типа брака, два из которых полигамные: полигиния, полиандрия, и третий — моногамный. Почти у всех африканских народов издревле была принята полигамия — многобрачие. Большинство этнических групп придерживаются наиболее распространенной ее формы — полигинии (многоженства); но существуют и отдельные небольшие этнические группы, которым свойственна полиандрия (многомужество), например башилеле и буанго в Демократической Республике Конго в районе Западного Касаи (Pilon 2000). Полигинийный супружеский союз распространен в африканских обществах с преобладанием исламских религиозных ценностей. Традиционно мужчины одобряли полигинию, а женщины осуждали ее (Savineau 2001: 23–24). По свидетельству социологов, всех мужчин-африканцев подозревают в склонности к полигинии (Pilon et al 2000: 473). Одной из главных причин существования подобного типа брака, в частности в Тропической Африке, служат экономические факторы и, прежде всего, преобладание аграрного сектора в структуре народного хозяйства. Женитьба на нескольких женщинах позволяла располагать дополнительными бесплатными рабочими руками: жена становилась важным источником дохода.

Многочисленное потомство издавна высоко ценилось в традиционных обществах. Во второй половине XX в. распространенность полигинии варьировалась от наиболее низкого процента у народов койсанской группы на юге континента и в скотоводческих районах Восточной Африки (25%) до 35% в «субсахарских» районах и 43% на Гвинейском побережье, где на плантациях экспортных культур особенно ценится женский труд (Синицына 1989: 49). Для Гвинеи характерен наиболее высокий процент полигинийных браков в Африке.

Другая сторона понимания брака в качестве расширенного семейного договора — полиандрия. Основное различие в том, что полигиния закрепляет за семьей мужа право на труд жен и на вдов после его смерти, полиандрия же предполагает права родственной группы на жену и при жизни мужа. Обычаи полиандрии у сельскохозяйственных народов, как правило, были связаны со стремлением рода сохранить нераздельность земельного фонда. У пастушеских народов смысл полиандрии — в стабилизации единства семейной группы. Причины застойности брачно-семейных форм у некоторых народов континента изучены пока недостаточно. Возможно, в ряде случаев экстремальные условия географической среды тормозили развитие общественных и связанных с ними семейных структур. В засушливых районах главной задачей считалось сохранение этнической группы, выживание в сложнейших климатических условиях и выращивание потомства. В результате возникла своеобразная культура, которая регулировала рождаемость и обеспечивала детям опеку широкой группой мужчин, связанных отцовством через женщин. В многочисленных кочевых этнических группах *оромо*, рассеянных в полупустынях Юго-Восточной Эфиопии, они способствовали сплочению, родственной солидарности, рождаемости и выживанию народа (Синицына 1989: 198). В настоящее время полиандрический брак существует в Демократической Республике Конго в районе Западного Касаи. В племенах *башилеле* и *буанго* это был только клановый брак. Если в Западном Касаи в конце XX в. проживало 350 тыс. *башилеле*, от 100 до 1500 человек в деревне, то, наряду с практикой моногамных браков, приблизительно на 30 человек молодых мужчин одного возрастного класса приходилось до четырех полиандрических жен (Pitshandenge 1996: 7–8). За невесту любого типа брачных отношений мужчина должен заплатить ее родителям матримониальную компенсацию — выкуп.

Современное социально-экономическое развитие, миграция в города, усиление мобильности молодежи, эрозия системы солидарности возрастных классов, рост индивидуализма, совершенствование методов контрацепции и пр., но особенно повышение уровня женского образования и прежде всего самосознания африканок — все эти факторы подрывают практику полиандрии. К ним следует отнести и угрозы смертельной опасности, которые несут болезни, передаваемые сексуальным путем, прежде всего СПИД. В настоящее время вследствие стечения многих обстоятельств, в том числе наличия значительного числа супругов, к концу своего жизненного пути полиандрические жены нередко остаются в полном одиночестве (Pitshandenge 1996: 14). Этой участи подчас не избегают и вдовы в полигинийном браке.

К многообразным формам заключения традиционного брака относят, в частности, левират — брак вдовы с родственником умершего мужа, преимущественно с его братом (Kudo 2021) (большинство народов Центральной Африки) — и соротат¹ — брак вдовца с родственницей умершей жены, преимущественно с ее сестрой

¹ Соротат — от французского слова «soeur» — сестра.

(многие народы Центральной Африки). К огромному разнообразию брачных форм, обусловленных правовой борьбой за имущество и наследство в интересах сохранения семейной собственности, относятся также брак с духом предка, брак женщины с женщиной, конкубинат и пр. В сельской местности существуют и брак-отработка, брак-обмен, брак-служба, брак-бегство (уход мужчины и женщины из дома против воли семей), брак-похищение (при различных условиях: с согласия или без согласия невесты или членов семей и пр.) (Синицына 1989). Отдельно выделяется проблема детских браков, запрещенных в большинстве африканских стран, но характерных для беднейших домохозяйств, когда в качестве брачного выкупа за девочку можно получить, например, 10 коров; такие браки фиксируются и в странах Азии (Parsons et al. 2015; Edossa 2021: 19–26).

Различные семейно-брачные формы народов Тропической Африки соответствуют огромному разнообразию социально-экономических систем и хозяйственных укладов, до сих пор существующих на континенте. Традиции, которые формировались тысячелетиями, объективно невозможно изменить в течение жизни лишь нескольких поколений. Тем не менее эволюция продолжается; но богатое разнообразие брачно-семейных форм обусловлено по-видимому потребностями народа и местных социально-экономических отношений, цивилизационных, социокультурных, традиционных, исторических, эмоционально-психологических, биологических и многих иных факторов. Многовековые традиции невозможно трансформировать никакими законами и запретами, как это пытались делать европейские колонизаторы, до тех пор пока остается социально-экономическая база этого феномена, многоликость и многовариантность цивилизационных и формационно-экономических структур. Соседство и переплетение феодальных, общинных, капиталистических и даже дофеодальных отношений в общинно-кастовых системах Африки (Кобищанов 1982), в неформальном и формальном, аграрном, промышленном, производственном и иных секторах экономики отражаются в социальном плане в живучести традиционных брачно-семейных отношений. Вероятно, они будут существовать до тех пор, пока сохраняется соответствующий социально-экономический базис в африканском обществе и, в частности, преобладание аграрного сектора в народном хозяйстве подавляющего большинства стран континента.

Исходя из рассмотрения вышеперечисленных типов брака, преобладающее большинство африканских исследователей в настоящее время полагает, что современному уровню экономического, социального, политического, общественного и культурного развития африканского общества наилучшим образом соответствует один тип брака, а именно — моногамия. Данный тип брака имеет в современной Африке наиболее широкое распространение во всех ее регионах, прежде всего в городской среде, в процентном соотношении доминируя над всеми иными типами семейно-брачных связей, существующими параллельно и независимо друг от друга. В моногамной семье родителям отводится основная воспитательная роль, а также важная функция социализации потомства.

Африканские родители очень заинтересованы в том, чтобы их дети нашли себе мужей и жен, поскольку неудача в этом ответственном деле, по их мнению, означает как бы символическую смерть неродившихся и уменьшение размеров семьи в целом. Поскольку на континенте обычно существует негативное отношение к «бесплодным женщинам», на женщин или мужчин, которые оказываются неспособными

создать семью, смотрят со смешанным чувством презрения и сочувствия (*Ocholla-Ayayo* 1988; *Ocholla-Ayayo* 1990).

При проведении в начале 1990-х гг. социологических исследований в Западной Кении большинство опрошенных семей на вопрос, «что вам более всего нравится в ваших детях?», отвечало, что они много помогают по дому и на сельскохозяйственных работах (*Kilbride et al* 1990).

В городах семейная жизнь изменилась в значительно большей степени, чем в сельской местности. Городские дети вносят в семью гораздо меньший экономический вклад. Старшие дети могут оказывать помощь в уборке дома, либо их посылают за простейшими покупками. Но в основном этим их труд и ограничивается. Городские африканские семьи подчас рассматривают многочисленное потомство как бремя, в то время как сельские дети все еще высоко ценятся, поскольку в семье они выполняют важные экономические функции, и за них должны нести ответственность члены большой расширенной семьи в тех ситуациях, когда родители не в состоянии обеспечить им должный уход, внимание и заботу (например, находясь в трудовой миграции).

В странах Тропической Африки с середины 1980-х годов наблюдается постепенное снижение фертильности, но чрезвычайно замедленное. В первую очередь данная тенденция в субрегионе стала заметной в Ботсване, Кении и Зимбабве. Для Западной Африки характерно гораздо более медленное снижение рождаемости. Исследователи напрямую связывают демографические процессы прежде всего с новым уровнем женского образования (*Bongaarts* 2008: 105–110).

Браки становятся менее стабильными, а разводы все более частыми из-за перманентного экономического кризиса и увеличения самостоятельности женщин, которым в подавляющем большинстве случаев принадлежит инициатива развода, как и во всех других регионах мира. Ныне половина браков в АЮС кончаются разводом в течение, как правило, первых 20 лет супружеской жизни, но почти повсеместно довольно быстро за разрывом следует второй брак (*John et al* 2021). По свидетельству социальных антропологов, в настоящее время в АЮС в целом сокращается число ранних браков, повышается брачный возраст, уменьшается число детей в семье, преимущественно в городах и среди образованных слоев населения (*Shapiro et al* 2014: 229–255). Сейчас средний возраст вступления в первый брачный союз составляет около 19,5 лет, но во многих странах превышает 21 год (*Hertrish et al* 2017: 112–137).

Результаты социологического обследования студентов университетов Ганы свидетельствуют — около 1/3 опрошенных заявили, что им не нужно родительского совета, наставления, благословения или одобрения при вступлении в брак и создании семьи (*Kumekpor* 1972).

Предоставление прав женщинам во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни могло бы внести существенные коррективы в общую стратегию укрепления института брака. Пока же остается несколько серьезных препятствий для валоризации статуса подавляющего большинства африканок в обществе и повышения уровня их самооценки, среди них — неравенство в доступе к современному образованию, к возможности получения работы, профессиональной подготовки, финансовых кредитов и займов и владению собственностью, в том числе землей. Ликвидация этого неравноправия в итоге будет служить не только со-

вершенствованию самосознания африканок, но и укреплению их реальных позиций в брачно-семейных взаимоотношениях.

Универсализм и отличительные черты Северной Африки

Особое место на континенте занимает североафриканский регион — многонациональное, мультикультурное и поликонфессиональное пространство со значительным преобладанием арабского населения, языка, мусульманской религии, права, традиционных общественных норм поведения и взаимоотношений. Но в свою очередь для каждого государства региона характерны специфические различия матримонимальных процессов. Так, в Алжире основным действующим лицом при формировании и установлении семейно-брачных связей издавна выступала мать жениха, в Египте, напротив, главная роль принадлежала отцу невесты; Тунис — наиболее модернизированное и вестернизированное государство арабского мира, Республика Судан — наиболее конфессионально ориентированное и т. п. Ныне наряду с разнообразием социально-экономических и общественно-политических структур, прослеживаются относительно общие изменения в типологии и формах брачно-семейных отношений — в одних государствах явные, в иных более скрытые.

Неизменным остается лишь мнение мусульманских богословов в целом: безбрачие безнравственно и является преступлением перед обществом и религией. Основные социальные роли взрослого человека — юридически санкционированные сексуальные отношения, легальная возможность иметь потомство, жить независимо от родителей — все это предоставляется и допускается лишь для состоящих в законном браке. В частности, одна из причин полигинии основывается на заповеди Корана о том, что прелюбодеяние — грех перед Богом и семьей, как и в других конфессиях.

Африканисты-демографы отмечают, что в настоящее время на континенте наиболее значимые социодемографические изменения в семейно-брачных процессах происходят именно в североафриканском регионе, но также в странах Восточной и Южной Африки¹, в отличие от Западной или Центральной, где изменения малозаметны, т. к. лишь недавно начались или отсутствуют (*Lesthaeghe* 2014).

Вероятно, общие тенденции социодемографической динамики в тех или иных комбинированных вариантах или гибридных формах со временем могут стать универсальными для всех регионов мира. Под влиянием глобализационных, миграционных, интеграционных процессов и иных социально-экономических проявлений современного этапа развития возможно возникновение разнообразных форм семейно-брачных отношений: как сохранение традиционных, так и появление особых гибридных феноменов и новых производных социально-экономической и общественно-политической эволюции.

¹ Здесь наиболее заметной демографической тенденцией является снижение рождаемости. Так, на африканку детородного возраста от 15 до 49 лет (2014) приходится в среднем в ЮАР 2,1 ребенка, в Кабо Верде — 2,9, в Лесото — 3,3, Намибии — 3,6, Свазиленде — 3,8; в противоположность этому другой полюс рождаемости в Западной Африке: в Нигере — 7,1, Мали — 6,6, Чаде — 6,3. По каждой отдельной стране следует также учитывать и существенные различия между показателями в городской и сельской местности, среди населения с разным уровнем образования и различных социальных слоев. В крупнейшей по численности африканской стране Нигерии показатель рождаемости составляет 5,6 (2014).

Доминирование исламо-мусульманской традиции в брачно-семейных отношениях наиболее наглядно можно проследить в Судане. Интенсивный курс на исламизацию жизни, проводившийся после государственного переворота 1989 г., хотя и несколько приостановившийся в XXI в., превратил его в единственное в Африке исламское государство (отчасти наподобие Ирана на Ближнем Востоке). Здесь господствует самый строгий ислам с регламентацией по всем сферам, включая светскую сторону и семейно-брачные отношения; женщинам отводится весьма незначительная роль, а мужчинам — доминирующее положение и в семье, и в обществе. Даже если суданка, получив высшее профессиональное образование, успешно работает по специальности, в семейном кругу за ней остаются все домашние обязанности; о помощи мужа по дому не может быть и речи.

Семейно-брачное законодательство базируется на установлениях шариата и легализует, в частности, многоженство и детские браки. Последним традиционно находят оправдание в заботах о предупреждении добрачных и внебрачных отношений. Детские браки, по мнению консерваторов, призваны обеспечивать благопристойные условия, при которых секс возможен лишь в рамках законной семьи. Реформирование семейного права — первостепенная тема суданского женского движения. Оно выступает за отмену принципов тотальной покорности и подчинения мужьям, что оправдывает применение насилия и жестокости в семье, за увеличение минимального брачного возраста до 18 лет в противовес нынешним 10, за согласие женщины на брак и многие другие изменения. Борьба за реформы продолжается уже несколько десятилетий, наиболее активно с 1991 г., но без всякого результата (*Al-Nagar et al* 2018: 1). Правительство исламского государства стремится не затрагивать религиозные догматы из опасения раздражать многочисленные происламистски настроенные слои общества внутри страны и за ее пределами.

По существу, большинство населения положения шариата устраивают, а реформы семейного законодательства для любой мусульманской страны — это попытки влияния западных ценностей на общества, народы которых не готовы их принять. Одни общества более подвержены внешним воздействиям, другие — нет. Ислам — одна из ведущих и наиболее многочисленных мировых религий. В чем причина популярности ислама в широких народных массах? Представляется, что одна из основных причин в том, что это вероучение изначально строится на идеях социальной справедливости, которая на протяжении многих веков реализуется представителями всех социальных слоев в мусульманском мире посредством ряда традиционных практик (закят, саадака и другие) в пользу общества, бедных и неимущих.

Неожиданным следствием исламистского проекта в Судане стали попытки интерпретации священных текстов женщинами-феминистками и новый виток борьбы за реформирование семейно-брачного законодательства. Представительницы суданского женского движения придерживаются мнения, что шариат не является основной проблемой и камнем преткновения для семейного кодекса или женщин, а главная сложность гендерных взаимоотношений заключается в том, что «мужчины издавна восприняли наиболее жесткую интерпретацию ислама и применяют ее на практике» (*Tønnesen* 2008: 461).

Хотя не все африканисты-географы относят Мавританию к Северной Африке, но неповторимое своеобразие, принадлежность к арабо-мусульманскому миру, религиозным, социокультурным традициям, установлениям шариата и многие другие

особенности позволяют рассматривать ее в контексте североафриканского региона. Древней сословно-кастовой системе Мавритании соответствуют определенные типы семейно-брачных отношений. Браки заключаются внутри сословий, смешения не происходит, за исключением представителей двух высших сословий — воинов и марабутов. Синонимом женской красоты вплоть до настоящего времени в их среде, а также богатых ремесленников *зенага* считаются необычайно пышные формы, для достижения которых с 12 лет девочек в состоятельных семьях специально откармливают жирной пищей и молоком. Несмотря на то, что мусульманское право — шариат — стал основой законодательства сравнительно недавно, с 1980-х гг., он регламентирует все стороны жизнедеятельности в государстве, включая личные и семейные взаимоотношения. Но наряду с шариатом в семейной жизни мавританцев важную роль продолжает играть обычное право — адат. Мавританец может иметь до четырех жен; но в стране преобладает единобрачие. Разводы случаются довольно часто; инициатором выступает преимущественно мужчина. Ему достаточно произнести три раза формулу развода: «Ты мне не жена», и брак считается завершенным. Мавританки редко инициируют бракоразводный процесс, ибо дети всегда остаются в семье мужа.

Несмотря на многократное запрещение института рабства в Мавритании (еще при французском колониальном владычестве, затем в период независимого развития в 1961, 1981, 2007 и 2015 гг.), 16% населения страны составляют «рабы». Рабство в Мавритании носит патриархальный характер. Браки в их среде также возможны. «Раб» и «рабыня» могут принадлежать разным хозяевам; дети считаются собственностью хозяина «рабыни», т. к. она вынашивает ребенка, кормит и воспитывает. «Рабы» и их потомство передаются по наследству детям хозяина.

Гражданская война в Ливии, продолжающаяся с 2011 г. после наиболее кровавого варианта «арабских революций» и гибели руководителя государства М. Каддафи, нанесла жестокий удар по семейно-брачным связям. Как никогда остро встал вопрос о разграничении понятий адюльтер и изнасилование, которого нет в исламской юриспруденции. Во время военных действий резко возрастают случаи насилия над женщинами, девушками и девочками. По традиционным представлениям, поскольку в женщине заключается честь семьи, «опозоренная» даже и против ее воли должна быть наказана родственником-мужчиной (отцом, мужем, братом и т. д.) вплоть до смертельного исхода. Поэтому жертвы насилия, скрывшиеся из дома и живущие в лагерях беженцев в Тунисе вдоль ливийско-тунисской границы, свидетельствуют, что основная угроза их жизни на родине исходит не от пули армейского снайпера, а от мужчин — членов их семей (*Mannergren Selimovic et al 2014: 9*). Ряд мусульманских правоведов, социологов, политических и общественных деятелей характеризуют *honour killings* — убийства с целью защиты чести семьи — как наиболее экстремальную форму домашнего насилия (*Chandrakirana 2009: 249*). Вместе с тем известны случаи самоубийств мужей, узнавших, что над их женами было совершено насилие (*Mannergren Selimovic et al 2014: 15*).

Вооруженные конфликты и войны оказывают разрушительное воздействие на брачно-семейные отношения. Прежде всего, разрываются семейные связи, погибают люди, преимущественно мужчины, появляется все большее число домохозяйств, возглавляемых женщинами, беднейших из всех существующих домохозяйств; увеличивается число сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Резко возрастает уровень насилия в обществе. В зонах боевых действий чрезвычайно уязвимыми становятся семьи мигрантов, насильственно перемещенных лиц, дети-сироты либо беспризорные. При распаде семейных связей в молодежной среде начинает распространяться секс без брака, употребление наркотиков и прочее, что было немыслимым в «дореволюционный период» (Now drugs... 2018). Ведь издавна в Ливии семейно-брачные отношения развивались достаточно традиционно для арабской семьи (Lagdaf et al 2018; Joseph 2008; Tucker 2008). Многие западные специалисты-исследователи отмечают: в настоящее время женщины утверждают, что при Каддафи их положение было значительно лучше, а полигинии были поставлены почти непреодолимые препятствия: в частности, требовалось согласие первой жены на повторный брак мужа — это подавляющее большинство ливиек считало нереальным; женщины наделялись равными правами с мужчинами, поощрялось участие ливиек в производственных процессах, получении высшего образования, а также проводились иные прогрессивные реформы.

Несмотря на то, что в Египте в соответствии с исламским правом разрешено многоженство, огромное большинство семей (более 90%) являются моногамными, остальные либо возглавляются женщинами, преимущественно вдовами (около 5%), либо представляют собой традиционные расширенные домохозяйства. Одной из своих основных стратегий в браке египтянки называют стремление делать все, чтобы у супруга не возникло желания привести в дом вторую жену. Браки заключаются, как правило, среди представителей аналогичных социальных слоев. При этом египтянки предпочитают, чтобы супруг был старше и образованнее. Они объясняют: поскольку религия учит необходимости подчиняться мужу, чтобы не возникало в этом сомнения, желательно, чтобы он был умнее, образованнее, с большим жизненным опытом и т. п. (Hoodfar 1997: 58). Мужчины, в свою очередь, стремясь избежать оспаривания их доминирующего положения в семье, в основном не желали бы жениться на представительнице более высокого социального уровня или получающей более высокую заработную плату.

Брак в Египте — это прежде всего взаимодействие двух семей, а не соединение двух индивидуумов. А семья для египтян — основная социальная точка опоры. По мнению академика А. М. Васильева, даже понятия «родина», «патриотизм», «государство», «свобода», донесенные до египтян телевидением и радио, лежат вне сферы интересов большинства, ибо для них в семье сосредоточено начало всех начал (Васильев 2000: 156). Во время социологических опросов лишь немногие юноши заявили, что могли бы жениться без согласия родителей. Но все девушки, и даже те, кто считал, что любовь обязательна для брака (если любишь, легче повиноваться мужу...), подчеркивали, что не вышли бы замуж без полного одобрения родителей. Максимум, на что они могут решиться — это заявить, что либо он, либо никто другой.

Хотя мысль о браках по любви обретает популярность, пожилые египтяне единодушно считают залогом благополучия семейно-брачных отношений, прежде всего, психологическую совместимость и гармонию, в том числе и солидарность между семьями. Они полагают, что любовь, основанная на физической привлекательности, не должна быть главным или единственным основанием для брака; если он основан на уважении и гармонии, то он порождает любовь, но брак по любви без гармонии в отношениях неизбежно довольно быстро распадается. Традиционно отцу невесты принадлежит руководящая роль в поисках брачного партнера для дочери, но затем

и другие члены семьи принимают участие в матримониальном процессе. Сыновьям чаще предоставляется самостоятельность в выборе спутника жизни, поскольку в основном они оплачивают чрезвычайно дорогостоящую свадебную церемонию, а также отдельное жилье, меблировку, ювелирные украшения и пр. (*Sieverding* 2012: 72). В Египте молодые люди должны копить полностью зарплату около восьми лет, чтобы оплатить стоимость и все сопутствующие издержки брачной церемонии (*Assaad et al* 2014: 37), и хотя женихи получают помощь от родителей и родственников и семья невесты также вносит определенный вклад, эти восемь лет, по общему мнению, — приблизительно средний срок интенсивной трудовой деятельности от окончания школы до свадьбы для молодого египтянина.

Среди замужних женщин очень мало работающих. Демографы отмечают, что в 2012 г. 2% замужних египтянок трудилось в частном секторе и около 10% служили в государственных учреждениях и ведомствах (*Ibidem*: 34). Для трудоустройства необходимо получить разрешение мужа. Хотя подавляющее большинство египтян позволяет женам работать, это отнюдь не означает, что они оказывают помощь по дому и в уходе за детьми. Многие дают согласие до тех пор, пока работа жены не мешает ведению домашнего хозяйства. Специалисты подчеркивают, что фактически женщина трудится за счет своего здоровья (*Sieverding* 2012: 99–100).

Королевство Марокко традиционно было наиболее стабильным государством североафриканского региона. Благодаря искусным взаимоотношениям королевской власти с оппозиционными элементами, управляемой многопартийности и сбалансированному социально-экономическому курсу, Марокко — единственному в регионе удалось избежать драматичных, а подчас трагических катаклизмов периода «арабской весны» 2011 года. Тем не менее, множество глобализационных процессов, а также демографический переход не могли не отразиться на эволюции семейно-брачных отношений.

Для сельской местности характерно преобладание больших расширенных семей, где женщина издавна отождествляется в первую очередь с освященными многовековыми обычаями функциями супруги и матери. В них наиболее заметна заинтересованность в сохранении внутрисемейной солидарности. Но ныне, если речь идет о проживании с родителями, то, как правило, при условии иных обновленных механизмов взаимодействия и регулирования взаимоотношений. Будущее расширенных семей довольно неопределенное в силу ряда обстоятельств. И в частности из-за соперничества и враждебности, которые подчас вспыхивают между супругами братьев.

Хотя большинство марокканцев придерживаются традиционных стереотипов, молодое поколение все больше предпочитает жить отдельно от родителей в своей нуклеарной семье. Социологи отмечают некоторые признаки разрыва с традиционной семейной организацией. Но для подавляющего большинства марокканцев родственная солидарность имеет важное значение. Социологические данные свидетельствуют, что 77,5% пожилых людей в Марокко регулярно получают финансовую помощь от детей, наибольшую часть которой, как неоднократно подчеркивается в исследованиях, составляет помощь дочерей (*Moufid* 2011).

В настоящее время нуклеарная семья — самая распространенная структура среди марокканских домохозяйств, она составляет более 60% от всех домохозяйств; в 1982 г. — 51% (*El Harras* 2006: 110). Семьи с одним родителем насчитывают 8,1% (в 1982 г. — 6,2%). Средний социодемографический показатель рождаемости снизил-

ся с 5,9 (1980) до 2,9 ребенка на одну женщину детородного возраста (Ibidem: 111). Приблизительно в одной трети опрошенных социологами городских домохозяйств управление внутренней жизнью ведется совместно обоими супругами. Это новая форма взаимодействия внутрисемейной пары, где оба супруга работают (Belarbi 1993). Женщины, имеющие наибольшие шансы добиться профессиональных успехов — незамужние или те, у кого взрослые дети. Для Марокко характерен самый высокий в арабском мире процент замужних женщин без детей, которые предпочитают отсрочку деторождения (11%). 78% всех замужних женщин стремятся к контролю рождаемости, из них 67% используют современные средства контрацепции (Women's... 2012: 1,3). Возрастание по численности феномена безбрачия объясняется многими факторами, прежде всего — увеличением стоимости приданого, которым жених должен обеспечить невесту, несмотря на постоянное снижение общего жизненного уровня и экономические трудности, продление периода обучения молодежи, снижение матримониального интереса к вдовам и др. В результате проявляется четкая тенденция заключать браки в более позднем возрасте. С 1960-х гг. к рубежу XX–XXI вв. в городской среде средний возраст вступления в первый брачный союз увеличился с 24,8 до 32,5 лет для мужчин; для горожанок — с 17,5 до 27,9 лет. В сельской местности для мужчин эти показатели возросли с 24,6 до 29,3 лет, а для девушек — с 17,2 до 25 лет (Direction... 1960; Enguête... 2000).

В Алжире главным действующим лицом матримониального процесса традиционно выступала мать жениха, используя свои каналы знакомств, родственные и дружеские, официальные и неофициальные. Алжирцы говорили, что она не женила сына, а привела в дом к себе невестку (Ouadah-Bedidi 2009). Издавна взаимоотношения между матерью и сыном являются в алжирском обществе самыми близкими и привилегированными (Lacoste-Dujardin 1996; Addi 1999). Но ныне вследствие повышения уровня образованности, эволюции социально-экономических и общественно-политических процессов, потребности в женском труде, урбанизации, охвата детей школьным образованием и многих иных социокультурных факторов выбор спутника жизни становится все более личностным. В последние тридцать лет происходит глубокая трансформация семейно-брачных отношений. Из преждевременного (в среднем 15–18 лет в 1960-х гг., а в отдельных случаях и гораздо ранее) замужество женщин превратилось в очень позднее (после 30 лет); от максимума более 8 детей на одну женщину детородного возраста в 1970-е гг. в настоящее время это число не превышает два ребенка, очевидно применение средств контрацепции усиливает эффект сокращения рождаемости при поздних браках. Разница в возрасте между супругами заметно сократилась и резко обострилась ситуация с безбрачием среди взрослых алжирцев — и мужчин, и женщин. В настоящее время одна алжирка из трех все еще не замужем в 30–34 года. Алжирские девушки, в частности наиболее образованные, стремятся добиться свободы выбора будущего мужа вне семейно-родственного окружения, которого они затем представляют родителям для одобрения его кандидатуры. Роль свекрови также зачастую ограничивается согласием с выбором сына. Но ей все еще следует прийти в дом невесты и по традиции просить для молодого человека ее руки. Ведь по-прежнему без благорасположения матери жениха родители не выдадут дочь замуж. Ныне мать юноши зачастую говорит, что «молодые пришли к согласию между собой, а наша семья присоединяется к их мнению» (Ouadah-Bedidi 2000).

Но несмотря на изменения в семейно-брачных отношениях и значительное увеличение продолжительности периода безбрачия в молодом возрасте, именно к самому институту брака обращаются как к единственно возможному варианту выражения сексуальности и условий воспроизводства рода, одобряемому обществом. И в наши дни для алжирцев институт семьи остается единственным допустимым легальным вариантом обзавестись потомством, обрести и упрочить социоматримониальный статус, лишь откладывая момент бракосочетания на беспрецедентно длительный срок.

Республика Тунис — одно из наиболее развитых государств Северной Африки. Его нередко называют особым феноменом арабского мира — это единственное мусульманское государство континента, где официально запрещена полигамия. С момента обретения независимости в 1956 г. правительство решительно взяло курс на пересмотр законодательства в отношении социально-политических прав женской половины населения страны; впоследствии подобную политику будут называть государственным феминизмом (*Alami M'Chichi* 2010).

В XXI в. у тунисских женщин образовательный уровень несколько выше, чем у мужчин. Повсеместно наблюдается тенденция создания семьи в более позднем возрасте; помимо этого значительная часть тунисских женщин, вероятно, никогда не будет иметь семьи. По данным социодемографической статистики 2014 г., около 18% тунисок не были замужем к 40 годам, и этот показатель немного уменьшился лишь к 59 годам — до 12%. Показатель брачности среди тунисских мужчин, хотя обычно и соответствовал более позднему периоду их жизни, представлялся относительно более высоким, т. е. лишь 12% не были женаты к 40 годам и 6% не имели семьи к 59 годам (*Assaad et al* 2017: 15). Но по уточненным данным, в настоящее время уже 20% мужчин не женаты к 40 годам, как и 22% женщин (*Krafft et al* 2017: 9; *Assaad et al* 2017: 5).

Образовательный уровень оказывает влияние на возраст вступления в брак для женщин больше, чем для мужчин. Средний возраст создания семьи увеличивается на семь лет у девушек, получивших университетское образование, по сравнению с неграмотными, в частности с 23 до 30 лет; у молодых людей на четыре года — с 29 до 33 лет. В настоящее время образовательный уровень у 55% тунисок с университетским и постдипломным образованием выше, чем у супруга; 39% имеют аналогичный уровень (*Assaad et al* 2017: 56). Соотношение родственных браков резко уменьшается в зависимости от уровня образованности, в частности с 23% у неграмотных женщин до 3% среди тунисок с университетским или еще более высоким уровнем образования. Согласно социодемографической статистике, к концу 1990-х гг. заместительный уровень фертильности (когда родители воспроизводят сами себя, а прирост населения равен 0) достиг нового равновесного соотношения в 2.1 ребенка на одну женщину детородного возраста (*Ibidem*: 8). А в столичном округе Большого Туниса уже в начале XXI в. был зафиксирован уровень фертильности ниже заместительного — 1,7. В Тунисе самые низкие на континенте цифры прироста населения.

Динамика социально-экономического развития Туниса испытывает потребность в привлечении труда женской половины граждан страны. Постоянно требуется все больше учителей, врачей, воспитателей детских садов, медицинских сестер, фельдшеров, лаборантов и иного медперсонала, библиотекарей, отдельных категорий сотрудников гостиничного и туристического бизнеса и представителей многих иных

т. н. женских специальностей. Повышение профессионализма туниских женщин не может не отразиться и на внутрисемейных взаимоотношениях. Туниски все больше принимают участие в обсуждении проблем домохозяйства, жизнедеятельности семейного коллектива, вопросов планирования семьи и пр. Они имеют возможность больше вкладывать в подрастающее поколение, во многих социально-экономических аспектах способствуя поступательной эволюции своего государства, обеспеченной не природной рентой, а высоким уровнем развития человеческого капитала (*Видясова* 2012: 289).

Заключение

В эволюции семейно-брачных отношений стран Северной Африки прослеживаются признаки универсализма, характерного для других континентов — Европы, Америки, Азии, латиноамериканских государств... В странах Африки южнее Сахары вследствие консервации сложных традиционных составляющих экономического базиса, доминирования аграрного сектора в народном хозяйстве, большой разнообразности социально-экономических укладов и общинно-кастовых систем, тяжелых климатических и географических условий сохраняются чрезвычайно специфичные формы семьи, направленные на выживание и сбережение потомства либо неделимость земельного или другого наследственного фонда. Африканский континент в целом отличает огромное уникальное разнообразие брачно-семейных форм и отношений. Современный тип семьи, естественным образом опираясь на социальные достижения своих предшественников, проистекает из иных более древних цивилизационных форм и сам, вероятно, находится в стадии перманентного саморазвития и совершенствования.

Многоликость брачно-семейных форм на континенте будет сохраняться до тех пор, пока существует множество социально-экономических укладов в африканских обществах, а в народном хозяйстве стран АЮС доминирует аграрный сектор. При этом, чем слабее государственные структуры, тем большую роль в жизни человека играют кровно-родственные и семейные связи, когда семья осуществляет функции основной социальной поддержки, но также и экономической, психологической, морально-нравственной и иной. У нас на глазах разворачивается живая современная история развития и изменений семейно-брачных отношений, продолжающаяся на протяжении уже многих тысячелетий во всем разнообразии форм и проявлений. Несмотря на тенденции к универсализму отдельные особенности и своеобразные формы воплощения будут сохраняться и в далеком будущем. Возможно, правы эксперты Всемирного экономического форума, предполагающие, что для достижения гендерного равноправия Африканскому континенту потребуется около полутора столетий (*Global... 2019*). Но тем интереснее наглядные этнологические и антропологические процессы, переплетающиеся с современностью и оказывающие на нее комплементарное воздействие.

Социально-экономическое развитие и внедрение денежной экономики разрушают основы традиционного общества. Человек уже не столь нуждается в помощи родственников — их может заменить счет в банке. При условии повышения уровня экономического развития характерно преобладание тенденции к универсализму в социальных связях и семейно-брачных отношениях, а также к общемировым процессам

демографического перехода¹. Но представляется, что, несмотря на направленность к унификации и неизбежность демографического перехода, вместе с тем в будущем на континенте у отдельных народов не исчезнет и своеобразие определенных специфических самобытных форм и типов семьи на чрезвычайно длительную историческую перспективу, что будет проявляться и сохраняться в русле перманентной антропологической эволюции. Все течет, все изменяется — говорил в VI в. до н. э. древнегреческий философ Гераклит, его мысль активно используется и поныне при описании закономерных и неуклонных перемен в жизни человека и общества.

Источники и материалы

Direction de la Statistique 1960 — Direction de la Statistique. RGPH. 1960.

Научная литература

Васильев А. М. Египет и египтяне. М.: Классика плюс, 2000.

Видясова М. Ф. Джихад без войны. М.: ИСАА МГУ, ИВ РАН. 2012. Т. II. Кн. 2.

Кобищанов Ю. М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.: Наука, 1982.

Синицына И. Е. Человек и семья в Африке (По материалам обычного права). М., 1989.

Addi H. Les mutations de la société algérienne. Famille et lien social dans l'Algérie contemporaine. P.: La Découverte, 1999.

African Families in a Global Context. Uppsala. Nordiska Afrikainstitutet, 2006.

Alami M'Chichi H. Le féminisme d'État au Maroc. Jeux et enjeux politiques. P.: L'Harmattan, 2010.

Al-Nagar S., Tønnesen L. Family law reform in Sudan: A never ending story? Bergen. CMI Brief. June 2018. N 8. P. 1.

Antoine Ph., Marcoux R. Pluralité des formes et des modèles matrimoniaux en Afrique: un état des lieux // Le mariage en Afrique. Pluralité des formes et des modèles matrimoniaux / Eds: R. Marcoux, Ph. Antoine. Presses de l'Université du Québec, 2014. Pp. 1–18.

Assaad R., Ghazouani S., Krafft C. Marriage, Fertility and Women's Agency in Tunisia. Economic Research Forum Working Paper Series. Working Paper 1157. Giza. Egypt, November 2017.

Assaad R., Krafft C. Youth Transitions in Egypt: School, Work and Family Formation in an Era of Changing Opportunities. University of Minnesota, 2014.

Belarbi A. Le salaire de Madame. Casablanca. Édition Le Fennec, 1993.

Bongaarts J. Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? // Studies in Family planning. Vol. 39, № 2, June 2008. Pp. 105–110.

Chandrakirana K. Women's Place and Displacement in the Muslim Family: Realities from the Twenty-first Century // Wanted: Equality and Justice in the Muslim Family / Ed. Z. Anwar. Malaysia: Musawah, 2009.

Edossa W. et al. Ideal age at first marriage is still below the legal age of marriage — the case of adolescent girls in West Hararge zone, Eastern Ethiopia // The Ethiopian Journal of Reproductive Health, 2021. Vol 13 № 2. Pp. 19–26.

El Harras M. Les mutations de la famille au Maroc // 50 ans de développement humain et perspectives 2025. 2006. <http://www.rdh50.ma/fr/pdf/contributions/GT2-4.pdf>

Enquête nationale sur le niveau de vie des ménages 1998–1999. Rabat, 2000.

Global Gender Gap Report 2020. Geneva: World Economic Forum, 2019.

Hertrish V., Casterline J. B., Bongaarts J. Trends in Age at Marriage and the Onset of Fertility Transition in sub-Saharan Africa, // Population and Development Review, The Population Council, Inc., May 2017. Vol. 43. Pp. 112–137.

¹ Его основные особенности — увеличение продолжительности жизни и снижение рождаемости.

- Hoodfar H.* Between Marriage and the Market. Intimate Politics and Survival in Cairo. Berkeley. Los Angeles. Oxford: University of California Press, 1997.
- John B. M., Adjiwanou V.* Fertility decline in sub-Saharan Africa: Does remarriage matter? // Population Studies, 15 June 2021.
- Joseph S.* Familism and Critical Arab Family Studies // Family Ties and Ideational Change in the Middle East / Ed. R. Young, H. Rashad. N.-Y.: Routledge, 2008
- Kilbride P. L., Kilbride J.* Changing Family Life in East Africa: Women and Children at Risk. Pennsylvania State University Press. PA, 1990.
- Krafft C., Assaad R.* Employment's Role in Enabling and Constraining Marriage in the Middle East and North Africa. Economic Research Forum. Working Paper Series. № 1080. Cairo. Egypt, 2017.
- Kudo Y.* Does Criminalizing Discriminatory Cultural Practices Improve Women's Welfare? A Simple Model of Levirate Marriage in Africa // Economics Letters, 2021. Vol. 199.
- Kumekpor T.* Marriage and Family in a Changing Society // Legon Family Research Papers. Legon, Institute of African Studies. 1972. № 3.
- Lacoste-Dujardin C.* Des mères contre les femmes. Maternité et patriarcat au Maghreb. P.: La Découverte, 1996.
- Lagdaf S., Zoubir Y. H.* The Struggle of the Women's Movements in Neo-patriarchal Libya // Oriente Moderno. 2018. V. 98. № 2.
- Lesthaeghe R.* The Fertility Transition in Sub-Saharan Africa into the 21st Century. PSC Research Report. 2014, N 14–823.
- Mannergren Selimovic J., Larsson D. K.* Gender and Transition in Libya. Mapping women's participation in post-conflict reconstruction. Swedish Institute of International Affairs. 2014. № 7. P. 9.
- Moufid K.* Family for Social and Economic Security in Morocco // The Pen. 25.XI.2011. www.thepenmagazine.net
- “Now drugs in Libya are much cheaper than food”: A qualitative study on substance use among young Libians in post-revolution Tripoli, Libya // International Journal of Drug Policy. 2018. V. 53. March.
- Ocholla-Ayayo A. B. C.* Marriage patterns in Kenya and their inter-relations with fertility. African Population Conference. Dakar. UAPS. Belgium: IUSSP, 1988.
- Ocholla-Ayayo A. B. C.* The State of childlessness in African marriage: A Detering force against family planning efforts // Kenya Marriage in Transition / Ed. E. H. O. Ayiemba. Population Studies and Research Institute (PSRI). University of Nairobi, 1990.
- Ouadah-Bedidi Z.* Le Mariage au cœur du rapport individu-famille-société // Du Genre et de l'Afrique. Hommage à Thérèse Locoh. P.: INED, 2009.
- Parsons J. et al.* Economic Impacts of Child Marriage: A Review of the Literature // The Review of Faith & International Affairs, 2015. Vol. 13. № 3.
- Pilon M.* Ménages et familles en Afrique Sub-Saharienne: Du village à la capitale, entre permanence et changement. L'exemple de la société moba-gurma du Togo. Paris, 2000.
- Pilon M., Vignikin K.* Stratégies face à la crise et changements dans les structure familiales // Crise et population en Afrique. P., 2000. P. 473.
- Pitshandenge S. N. A.* La polyandrie chez les bashilele du Kasai Occidental (Zaire): fonctionnement et rôles. Les dossiers du CEPED № 42. P.: CEPED, 1996.
- Savineau D.* La famille en A.O.F. et la condition de la femme // Dossiers et recherches de l'INED. P.: INED, 2001. № 102.
- Shreeve J.* The evolutionary road // National Geographic. Wash., D.C., July 2010. Vol. 218. № 1. P. 35–45
- Women's Need for Family Planning in Arab Countries. UNFPA Arab States Regional Office. July 2012.

References

- Addi, H. 1999. *Les mutations de la société algérienne. Famille et lien social dans l'Algérie contemporaine*. Paris: La Découverte.
- African Families in a Global Context*. 2006. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet.
- Alami M'Chichi, H. *Le féminisme d'État au Maroc. Jeux et enjeux politiques*. Paris: L'Harmattan.
- Al-Nagar, S., L. Tønnesen 2018. Family law reform in Sudan: A never ending story? Bergen. *CMI Brief*. June 2018. 8: 1.
- Antoine, Ph., R. 2014. Marcoux Pluralité des formes et des modèles matrimoniaux en Afrique: un état des lieux. In *Le mariage en Afrique. Pluralité des formes et des modèles matrimoniaux* / Eds: R. Marcoux, Ph. Antoine. Presses de l'Université du Québec. Pp. 1–18.
- Assaad, R., S. Ghazouani, C. Krafft 2017. *Marriage, Fertility and Women's Agency in Tunisia. Economic Research Forum Working Paper Series. Working Paper 1157*. Giza. Egypt, November 2017.
- Assaad, R., C. Krafft 2014. *Youth Transitions in Egypt: School, Work and Family Formation in an Era of Changing Opportunities*. University of Minnesota.
- Belarbi, A. 1993. *Le salaire de Madame*. Casablanca: Édition Le Fennec.
- Bongaarts, J. 2008. Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? *Studies in Family planning*. 39 (2, June): 105–110.
- Chandrakirana, K. 2009. Women's Place and Displacement in the Muslim Family: Realities from the Twenty-first Century In *Wanted: Equality and Justice in the Muslim Family* / Ed. Z. Anwar. Malaysia: Musawah.
- Edossa, W. et al. 2021. Ideal age at first marriage is still below the legal age of marriage — the case of adolescent girls in West Hararge zone, Eastern Ethiopia. *The Ethiopian Journal of Reproductive Health*. 13 (2): 19–26.
- El Harras, M. 2006. Les mutations de la famille au Maroc. In *50 ans de développement humain et perspectives 2025*. P. 110. URL: <http://www.rdh50.ma/fr/pdf/contributions/GT2-4.pdf>
- Enquête nationale sur le niveau de vie des ménages 1998–1999*. 2000. Rabat.
- Global Gender Gap Report 2020*. 2019. Geneva: World Economic Forum.
- Hertrish, V., J. B. Casterline, J. Bongaarts 2017. Trends in Age at Marriage and the Onset of Fertility Transition in sub-Saharan Africa. *Population and Development Review*, The Population Council, Inc. 43 (May): 112–137.
- Hoodfar, H. 1997. *Between Marriage and the Market. Intimate Politics and Survival in Cairo*. Berkeley. Los Angeles. Oxford: University of California Press.
- John, B. M., V. Adjiwanou 2021. Fertility decline in sub-Saharan Africa: Does remarriage matter? *Population Studies*, 15 June.
- Joseph, S. 2008. Familism and Critical Arab Family Studies. In *Family Ties and Ideational Change in the Middle East* / Ed. R. Young, H. Rashad. N.-Y.: Routledge.
- Kilbride, P. L., J. Kilbride 1990. *Changing Family Life in East Africa: Women and Children at Risk*. Pennsylvania State University Press. PA.
- Kobishchanov, Yu. M. 1982. *Melkonatural'noye proizvodstvo v obshchinno-kastovykh sistemakh Afriki* [Small-scale production in communal-caste systems in Africa]. M.: Nauka.
- Krafft, C., R. Assaad 2017. Employment's Role in Enabling and Constraining Marriage in the Middle East and North Africa. *Economic Research Forum. Working Paper Series*. № 1080. Cairo. Egypt.
- Kudo, Y. 2021. Does Criminalizing Discriminatory Cultural Practices Improve Women's Welfare? A Simple Model of Levirate Marriage in Africa. *Economics Letters*. Vol. 199.
- Kumekpor, T. 1972. Marriage and Family in a Changing Society. *Legon Family Research Papers*. Legon: Institute of African Studies. № 3.
- Lacoste-Dujardin C. 1996. *Des mères contre les femmes. Maternité et patriarcat au Maghreb*. P.: La Découverte.

- Lagdaf, S., Y. H. Zoubir 2018. The Struggle of the Women's Movements in Neo-patriarchal Libya. *Oriente Moderno*. 98 (2).
- Lesthaeghe, R. 2014. The Fertility Transition in Sub-Saharan Africa into the 21st Century. *PSC Research Report*. No 14–823.
- Mannergren Selimovic, J., D. K. Larsson 2014. *Gender and Transition in Libya. Mapping women's participation in post-conflict reconstruction*. Swedish Institute of International Affairs. 7: 9.
- Moufid, K. 2011. Family for Social and Economic Security in Morocco. *The Pen*. 25.XI.2011. URL: www.thepenmagazine.net
- “Now drugs in Libya are much cheaper than food”: A qualitative study on substance use among young Libians in post-revolution Tripoli, Libya 2018. *International Journal of Drug Policy*. V. 53 (March).
- Ocholla-Ayayo, A. B. C. 1988. *Marriage patterns in Kenya and their inter-relations with fertility*. African Population Conference. Dakar. UAPS. Belgium: IUSSP.
- Ocholla-Ayayo, A. B. C. 1990. The State of childlessness in African marriage: A Deterring force against family planning efforts. In *Kenya Marriage in Transition* / Ed. E. H. O. Ayiemba. Population Studies and Research Institute (PSRI). University of Nairobi.
- Ouadah-Bedidi, Z. 2009. Le Mariage au cœur du rapport individu-famille-société. In *Du Genre et de l'Afrique. Hommage à Thérèse Locoh*. Paris: INED.
- Parsons, J. et al. 2015. Economic Impacts of Child Marriage: A Review of the Literature. *The Review of Faith & International Affairs*. 13 (3).
- Pilon, M. 2000. *Ménages et familles en Afrique Sub-Saharienne: Du village à la capitale, entre permanence et changement. L'exemple de la société moba-gurma du Togo*. Paris.
- Pilon, M., K. Vignikin 2000. Stratégies face à la crise et changements dans les structure familiales. In *Crise et population en Afrique*. Paris. P. 473.
- Pitshandenge, S. N. A. 1996. La polyandrie chez les bashilele du Kasai Occidental (Zaïre): fonctionnement et rôles. *Les dossiers du CEPED*. № 42. Paris: CEPED.
- Savineau, D. 2001. La famille en A.O.F. et la condition de la femme. *Dossiers et recherches de l'INED*. P.: INED. № 102.
- Sinitsyna, I. Ye. 1989. *Chelovek i sem'ya v Afrike (Po materialam obychnogo prava)* [Man and family in Africa (Based on customary law)]. Moskva: Nauka.
- Shreeve, J. 2010. The evolutionary road. *National Geographic*. Wash., D.C. 218 (1, July): 35–45.
- Vasil'yev, A. M. 2000. *Yegipet i yegiptyane* [Egypt and the Egyptians]. Moskva: Classics plus.
- Vidyasova, M. F. 2012. *Dzhikhad bez voyny* [Jihad without war]. Moskva: Institut stran Azii I Afriki Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta, IV RAS. Vol. II. Book 2.
- Women's Need for Family Planning in Arab Countries. 2012. UNFPA Arab States Regional Office. July.